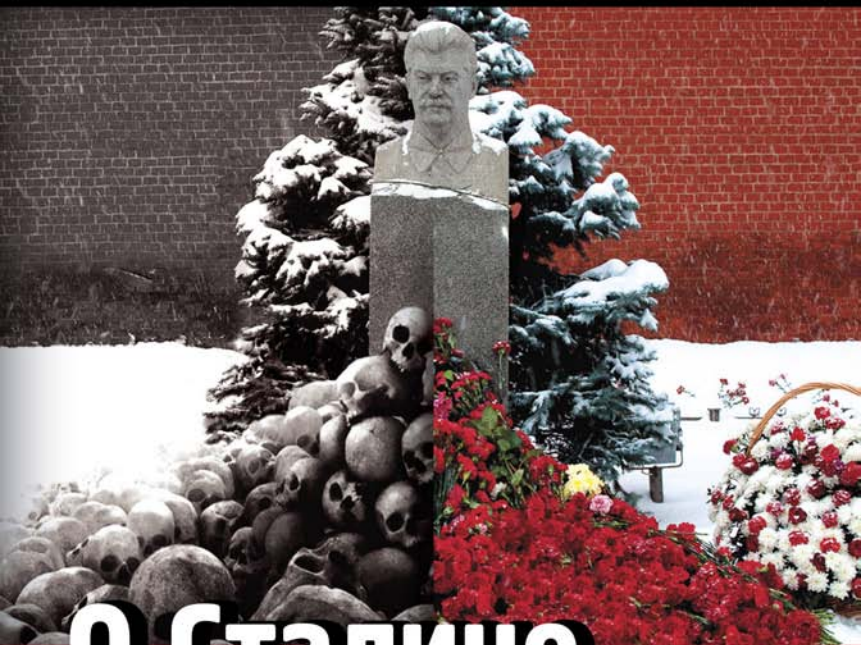


Феликс МЕДВЕДЕВ

ОКНО  
ИСТОРИИ



**О Сталине  
без истерик**

bhv®

---

ОКНО  
В  
ИСТОРИЮ

---



Феликс МЕДВЕДЕВ

О Сталине  
без истерик

Санкт-Петербург

«БХВ-Петербург»

2013

УДК 929+94  
ББК 63.3(2)  
М42

**Медведев Ф. Н.**

М42 О Сталине без истерик. — СПб.: БХВ-Петербург, 2013. — 256 с. — (Окно в историю)

ISBN 978-5-9775-0863-6

Книга посвящена Сталину и сталинщине. Кроме интервью автора с теми, кто лично знал «вождя народов», — его приемным сыном Артемом Сергеевым, последним кремлевским наркомом Николаем Байбаковым, Серго Микояном, вдовой Николая Бухарина Анной Бухариной-Лариной, Сергеем Михалковым, — в книгу вошли фрагменты бесед на болезную и по-прежнему актуальную тему с дочерью Карла Радека Софьей, художником Михаилом Шемакиным, французским философом-социалистом Роже Гароди, писателем Эдуардом Лимоновым и другими. В книге использованы письма, стихи, фотографии на тему сталинщины из архива автора.

*Для широкого круга читателей*

УДК 929+94  
ББК 63.3(2)

**Группа подготовки издания:**

Главный редактор	<i>Екатерина Кондукова</i>
Зам. главного редактора	<i>Екатерина Трубей</i>
Зав. редакцией	<i>Екатерина Капалыгина</i>
Редактор	<i>Елена Васильева</i>
Компьютерная верстка	<i>Людмила Чесноковой</i>
Корректор	<i>Зинаида Дмитриева</i>
Дизайн серии	<i>Марины Акининой</i>
Оформление обложки	<i>Марины Дамбиевой</i>

Подписано в печать 29.03.13.

Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16.

Тираж 2500 экз. Заказ №

"БХВ-Петербург", 191036, Санкт-Петербург, Гончарная ул., 20.

Первая Академическая типография «Наука»  
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

ISBN 978-5-9775-0863-6

© Медведев Ф. Н., 2013

© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2013

# Оглавление

Предисловие .....	11
<b>Часть I. Каким запомнили его они .....</b>	<b>13</b>
Глава 1. Приемный сын Сталина генерал Артем Сергеев: «Я выжил потому, что молчал» .....	15
Глава 2. Последний кремлевский нарком Николай Байбаков: «Я кашлянул, и Сталин обернулся» ....	33
Глава 3. Жена Н. И. Бухарина Анна Бухарина-Ларина: «В шапке Сталина меня вели на расстрел...» .....	38
Глава 4. Сын А. И. Микояна Серго Микоян: «Сталин ждал, когда мой отец покончит с собой...» .....	57
Глава 5. Главный конструктор ОКБ им. А. И. Микояна корпорации «МиГ» Николай Матюк: «Я ничего не просил у вождей для себя» .....	65
Глава 6. Жена кубинского шахматиста мирового масштаба Хосе Рауля Капабланки Ольга Капабланка-Кларк: «Сталина боялись все, а Капе — хоть бы хны» .....	68
Глава 7. Писатель и поэт Сергей Михалков: «Я в него верил, он мне доверял» .....	72
Глава 8. О легендарном армянском атлете Серго Амбарцумяне, ставшем символом победы над фашистской Германией до начала Великой Отечественной войны .....	78
Глава 9. Беседа с ярым сталинистом Роже Гароди .....	84
<b>Часть II. Размышления о сталинщине .....</b>	<b>95</b>
Глава 1. Беседа с инкогнито в венском кафе: «Сначала нас насильно угоняли немцы, а потом свои...».	100

Глава 2. Художник Олег Целков: «Сталин умер, но сталинщина продолжалась» .....	109
Глава 3. Главный редактор радио «Свобода» Владимир Матусевич: «Из командировки в Данию я вернулся другим человеком...».....	113
Глава 4. Югославский диссидент русского происхождения, писатель Михайло Михайлов: «Сталинизм был лишь материализацией психических потребностей миллионов зрителей...».....	116
Глава 5. Русско-канадский радиожурналист и писатель Мстислав Могиланский: «Пусть будут прокляты те, кто погубил моего отца...» .....	122
Глава 6. Французская писательница русского происхожде- ния Натали Саррот: «Я ненавидела это чудовище...» .....	134
Глава 7. Софья Радек, дочь журналиста, партийного и государственного деятеля Карла Радека: «Эту бешеную собаку, тирана усатого, нужно было кому-то пристрелить...» .....	136
Глава 8. Писатель Чингиз Айтматов: «Только сегодня мы начали преодолевать груз той мрачной эпохи...» .....	141
Глава 9. Писатель Варлен Стронгин об отце актера Савелия Крамарова.....	143
Глава 10. Народный артист России Леонид Филатов: «Отцу пришла странная бумага о том, что он может считать себя несудимым...».....	147
Глава 11. Актриса театра и кино, дочь шансонье Александра Вертинского — Анастасия Вертинская: «Сталин слушал песни отца по ночам».....	148
Глава 12. Творческая командировка в преисподнюю писателя Бориса Четверикова.....	152
Глава 13. Письмо моего деда Золтана Партоша Иосифу Сталину: «О, вождь мой, возьми в руки будущее моего народа!».....	160

Глава 14. Он бросил тирану открытый вызов — письмо военного и государственного деятеля, дипломата, писателя и журналиста Федора Раскольниковова .....	164
Глава 15. Татьяна Соболева, вдова поэта Александра Соболева, автора «Бухенвальдского набата»: «Последние годы жизни мужа были отравлены тяжелейшим недугом и незаслуженным забвением».....	172
Глава 16. Поэт Константин Симонов: «Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?..».....	180
Глава 17. Евгений Евтушенко: «Я страшно завидовал тем моим ровесникам, которым выпадала честь подносить букеты цветов Сталину...».....	183
Глава 18. Поэт Наум Коржавин: «Если бы я не был сталинистом, меня бы не посадили».....	188
Глава 19. Василий Франк об отношении к Сталину своего отца — русского философа, религиозного мыслителя, психолога Семена Людвиговича Франка.....	192
Глава 20. Писатель-фронтовик Михаил Алексеев: «Не будь он Главкомандующим, мы бы проиграли войну...».....	194
Глава 21. Писатель, философ Александр Зиновьев: «В сороковом году я пустил шутку: Гитлер — это такой бандит сталинской эпохи...» .....	197
Глава 22. «После войны театр отстроим заново...» — из воспоминаний народного артиста РСФСР Вячеслава Шалевича .....	203
Глава 23. Из «сталиниады» писателя Виктора Горохова...204	
Глава 24. Заведующий особым сектором ЦК Александр Поскребышев — «тень Сталина» .....	216
Глава 25. Свидетельство о смерти Якова Джугашвили подписал Гиммлер .....	219
Глава 26. Писатель Вениамин Додин о встрече со свидетелем рандеву Сталина с Гитлером.....	221



Глава 27. Директор санатория «Марьино» Борис Ворович: «Художнику Яр-Кравченко Сталин позировал целый месяц».....	225
Глава 28. Диссидент, историк, публицист Абдурахман Авторханов: «Единственная идея, во имя которой смерть красна, — это идея борьбы с деспотизмом» .....	230
Глава 29. Скульптор Эрнст Неизвестный: «Личный терроризм Сталина сегодня заменен терроризмом машины, создателем которой он является» .....	234
Глава 30. Писатель Эдуард Кузнецов: «Если страна хочет выздороветь, она должна за это заплатить...» .....	237
Глава 31. Писатель Саша Соколов: «Творческому порыву не может помешать никакая диктатура».....	239
Глава 32. Писатель, поэт, публицист, политический деятель Эдуард Лимонов: «Иногда тиран бывает и полезен...» .....	240
Глава 33. Художник Михаил Шемякин: «Меня беспокоят разговоры о сильной руке...» .....	242
Глава 34. Бизнесмен Феликс Комаров: «Сталин — столп, на котором в свое время держался мир» .....	243
<b>Часть III. Зарубежная пресса о Сталине.....</b>	<b>247</b>
Глава 1. Великий английский драматург Бернард Шоу о Сталине.....	250
Глава 2. Видные французские лица просят пересмотра московских процессов.....	252
Глава 3. Дэв Мурарки: «Призрак Сталина бродит по Москве».....	253

**И**мя Феликса Медведева, российского журналиста, легендарного «огоньковца», внука репрессированного при Сталине венгерского революционера, поэта, врача Золтана Партоша, известно у нас в стране и за рубежом. Начал печататься в СМИ в 1954 году. Лауреат премий Союза журналистов СССР, журналов «Огонек», «Москва», «Родина», газет «Литературная Россия», «Вечерний клуб» и др., «живой классик жанра», «мастер "непричесанных" интервью», он более чем за полвека работы в прессе опубликовал неисчислимое количество материалов. Его интервью с Г. Г. Маркесом, Ф. Саган, А. Миллером, И. Бродским, Н. Берберовой, Великим князем В. К. Романовым, К. Воннегутом, М. Горбачевым, Г. Вишневской, Б. Березовским и другими деятелями мировой культуры и политики становились сенсациями. Две публикации Ф. Медведева вошли в «Хрестоматию отечественной журналистики второй половины XX века» (изд-во МГУ, 2009).

В 1987–1990-х годах вел телепередачи «Зеленая лампа» и «Парижские диалоги». Автор книг «Трава после нас», «Цена прозрения», детектива о гибели принцессы Дианы «Смерть под вспышкой», «Я устал от XX века», «Я тебя никогда не забуду» (об А. Вознесенском), «Мои великие старухи», «Мои великие старики» и др.



# Предисловие

*Ну что, генералиссимус прекрасный,  
потомки, говоришь, к тебе пристрастны?  
Их не угомонить, не упросить...  
Огни тебя мордуют и поносят,  
другие все малюют, и возносят,  
и молятся, и жаждут воскресить.*

Булат Окуджава



Тема Сталина сегодня в моде. Прилавки книжных магазинов заполняют все новые и новые штудии о жизни и деятельности «вождя народов». Авторы самого разного профиля — историки, романисты, банальные графоманы... Оскорбительным для многих верующих людей стало название одного «шедевра» — «Христос и Сталин».

Я не имею никакого отношения к «самому-самому» из «самых-самых». Кроме, пожалуй, двух-трех пересечений чудовищных событий под названием «сталинщина» с моей обыкновенной биографией.

Во-первых, родился я 22 июня 1941 года ранним утром, часа в четыре... Как поведал мне наш старейший актер Владимир Этуш, он именно в это время, после выпускного бала шел по улице Горького домой и вдруг увидел, что по направлению к Кремлю несутся два черных лимузина. «Ночью в Кремль... неужели война?» — подумал он.

И точно. Это ехал к министру иностранных дел СССР Молотову посол Германии Шуленберг, чтобы объявить Кремлю о начале военных действий Гитлера против Советского Союза. Можно предположить, что ранним утром

22 июня товарища Сталина неожиданно разбудили. И вслед за этим он исчез из поля зрения своего народа до... 3 июля, когда, наконец, выступил перед страной по радио.

Вторая «привязка» к теме «Сталин» трагична. Это три ареста сталинско-нквдэшной конторой моего деда — венгерского эмигранта, врача по профессии, революционера по призванию, поэта.

И еще один момент. Я живу в той части Трубной площади, которая примыкает к стене древнего Рождественского монастыря. Именно эти 100—200 метров земли 6 марта 1953 года были залиты кровью тысяч москвичей, стоявших в гибельной многокилометровой очереди в Колонный зал Дома союзов, где лежало тело вождя народов, и попавших в смертельную давку. Всякий раз, когда я спускаюсь по Рождественскому бульвару к Трубной площади, мне мерещится на асфальте кровь тех, кто шел проститься с «генералиссимусом прекрасным»...

Как журналист я общался со многими своими коллегами, а также с государственными деятелями, учеными, писателями, военными, родившимися в начале века и лично встречавшимися со Сталиным, и с теми, кто в свое время слушал рассказы других о встречах с ним. Кроме этого, во многих интервью мы с моими собеседниками, рассуждая об истории страны, в том или ином контексте касались фигуры «вождя народов», говорили о трагических судьбах современников в годы репрессий. Все эти свидетельства различны, противоречивы, в чем-то субъективны, но этим и интересны. Думаю, они имеют право быть обнародованными и сведенными под одной обложкой. Без каких-либо комментариев.

Мне кажется, эта неожиданная и необычная «сталиниада» может еще раз напомнить нам об опасности для страны культа «вождизма».

---

ЧАСТЬ I

КАКИМ ЗАПОМНИЛИ

ЕГО ОНИ

---



# Глава 1

## Приемный сын Сталина генерал Артем Сергеев: «Я выжил потому, что молчал»

**О** приемном сыне Сталина я узнал лет сорок тому назад из знаменитой когда-то книги французского писателя Анри Барбюса «Сталин». Больше об Артеме Сергееве я нигде не читал и ни от кого не слышал этого имени. И только в перестроечные времена Анна Михайловна Бухарина-Ларина рассказала мне о человеке, который попал в семью «вождя народов» в раннем детстве как ребенок-сирота. Отцом же его был прославленный революционер «товарищ Артем», погибший в 1921 году. Но в 1980-е годы найти Артема Сергеева мне не удалось, в горбачевское правление он жил отчужденно, не показываясь на людях. Журналисты, похоже, не искали его, то ли забыв о существовании приемного сына вождя, то ли не решаясь в те годы на интервью с сыном распинаемого тирана.

Мне помог случай — когда я брал интервью для одной из газет у вдовы сына Анастаса Микояна, мамы знаменитого музыканта Стаса Намина Нами Артемьевны Микоян, она вдруг неожиданно произнесла имя Сергеева. Оказалось, что они давние-давние друзья. По моей просьбе Нами Артемьевна тут же позвонила Артему Федоровичу, который дал согласие на встречу:

— *Ко мне ехать так: на машине или на автолайне по Рублевскому шоссе до ресторана «Царская охота», по приезде наберите мой номер, я объясню, как меня найти, пешком десять минут. Вас встретят...*



Ухоженный участок земли, сад, вокруг приметы золотой осени. Вроде бы с виду неказистый дом, но войдешь внутрь — просторно, много помещений, старая мебель. На встречу с хозяином меня ведет молодой человек кавказской внешности — то ли помощник-ординарец, то ли охранник кавалера ордена маршала Жукова генерала Сергеева.

А вот и он — Артем Федорович Сергеев.

Навстречу поднимается из кресла подвижный, энергичный, с открытым лицом и уверенным взглядом человек, которому ни за что не дашь 85 лет, хотя именно к этой знаменательной дате он приближается.

Как только заговорили, я понял, что Артем Федорович и душой молод, и памятью остер. Речь его живая, откровенная.

— *...Это место, которое когда-то было скотопрогоном, мама купила за пять тысяч рублей много лет назад. Усадьба была большая, но хрущевские урезания колхозных усадеб нас не коснулись, мать-то не была колхозницей. Хозяином этих мест был некий Клюквин, работал на железной дороге. А нынче в моих соседях уж лет десять пребывает один известный олигарх...*

— Артем Федорович, почему так вышло, что о вас почти ничего не известно? Не шутка все-таки — приемный сын самого Сталина, доживший до нынешних времен.

— *А все просто — о своей близости к Сталину и его семье я нигде никогда ни с кем не говорил. И мать моя об этом молчала.*

— Вы хотите сказать, что ваша мама у властей ничего не просила? Иначе бы ваше инкогнито раскрылось.

— *Никогда ничего не просила. Поэтому Власик, возглавлявший многие годы охрану Сталина, думал, что ее давно уже нет в живых.*

— А вы можете хотя бы сейчас представиться: «Я приемный сын Иосифа Виссарионовича Сталина?»

— *Нет, в таком плане я не представляюсь. Другое дело, что когда-то в тридцатые годы о моем существовании написал в своей книге французский писатель Анри Барбюс. Книга так и называлась «Сталин». А в ней такие слова:*

*«Сталин усыновил Артема Сергеева, отец которого погиб в автомобильной катастрофе». Книга вышла небольшим тиражом, ее мало кто читал. Пожалуй, только те, из верхов, из членов Политбюро. Ну что ж, читали и читали. Жизнь шла своим чередом, и я уже давно понял, что в моем молчании — мое счастье. Я никуда не лез со своей биографией, хотя вокруг было много людей, которые пытались себя показать. Для многих это кончилось плохо.*

— Получается, возле Сталина, возле его сына Василия, членов его семьи крутился, простите, какой-то мальчик, и никто им не интересовался?

— Да, примерно так: Сергеев и Сергеев, сын революционера Артема Сергеева, известного как «товарищ Артем».

— А позже, после смерти вождя и его сына Василия? Скажем, Хрущев о вас знал? Он-то, громя сталинское наследие, должен был знать, что у Сталина был приемный сын, друг Василия Иосифовича, которого сам Никита Сергеевич отправил в тюрьму?

— Да, именно так, не знал меня Хрущев, совершенно не знал. И Брежнев меня не знал.

— Ничего не понимаю, ведь вы не просто член семьи главы государства, вы стали генералом Советской армии. Генерал — это не иголка в стоге сена!

— А я и в армии никуда особо не лез. И служил не в так называемом Арбатском округе, а в армии, в войсках, далеко от Москвы. И на западе, и на востоке, и за краем света. В 1937—1938 годах учился в военной школе, стал солдатом, потом курсантом 2-го Ленинградского артиллерийского училища. Окончив его в 1940-м, командовал взводом 13-го артиллерийского полка 1-й мотострелковой дивизии. Был командиром батареи и участвовал в боях с фашистами. Мы дрались с вражескими танками, которыми командовали Гудериан и Гот. Имена немецких командиров узнали от пленных.

После того как наши орудия были разбиты, меня назначили командиром стрелковой роты. Мы оказались в немецком тылу, в окружении. Собрали небольшой офицерский

*партизанский отряд. Попал в плен, оказался в концлагере, потом в тюрьме в Орше. Сумел сбежать.*

*Конечно, если бы кто-то знал мою подлинную биографию, мою фамилию, мне конец. А так я был просто Сергей Сарычев. И только один человек знал, кто я такой, — знаменитый командир партизанского соединения Флегонтов, он погиб в 1943 году. Ему-то я поведал всю свою подноготную.*

— *Поскольку вы много лет были со Сталиным рядом, скажите, каким было его лицо? Считается, что оно на фотографиях приукрашено, на самом деле оно было рябым, в оспинах, что очень бросалось в глаза.*

— *Каким было его лицо? Оно было красивым, не расписным, но красивым, хорошим. Это было красивое лицо, безо всяких изъянов. Говорят — конопатый... Минуточку, но кто это видел? Да, оспинки присутствовали, но они были почти незаметны. Это было лицо умного, простого человека. Мне с раннего детства запомнилось, с каким уважением относились к Иосифу Виссарионовичу все, кто были рядом с ним, общались по работе, по службе.*

*Как-то у племянницы Надежды Аллилуевой Киры Павловны, которая сама пострадала в годы репрессий, спросили, каким был Сталин, и она ответила: «Если правду сказать — обаятельным он был человеком».*

— *Ну, хорошо, коль Сталин был вашим названным отцом, как он общался с вами — ласкал, целовал, преподносил подарки? Воспитывал, наконец?*

— *Да, он был ласковым отцом. По натуре взрывной, импульсивный, но чрезвычайно педагогичный. Он не давал ребенку считать себя несмышленышем и со мной, с Василием и Светланой на очень серьезные темы разговаривал доходчиво, понятно. Как бы на нашем, еще детском, уровне.*

*Иногда Иосиф Виссарионович ставил нас друг другу в пример. Когда видел, что у Василия плохие отметки, он его пробирал и ставил в пример меня. Отец знал, что Василию это очень неприятно. Василий был добрым, он мог все отдать, все подарить, но по натуре он был честолюбив и даже властолюбив.*

Помимо разных сувениров, я получил от Сталина в подарок две книжки: одну в 1928 году, другую — 1929-м. К сожалению, они у меня пропали. На книге Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» он написал: «Дружку моему Томику, с пожеланием ему вырасти сознательным, стойким и бесстрашным большевиком». Томиком Сталин называл меня в память о моем отце, которого когда-то в эмиграции называли на тамошний манер Томом.

Конечно, он был очень занятым человеком и с детьми занимался нечасто — только когда выпадала свободная минута. Из своего рабочего кабинета он возвращался поздно, но если дети не спали, подходил и разговаривал.

— Вы бывали в его рабочем кабинете?

— Вы сейчас удивитесь, но в те годы, которые я хорошо помню, рабочим кабинетом Сталина была как бы вся квартира. После смерти жены у него не было своего семейного дома. Была комната Светланы, комната Васи, кухня, а дальше — дверь и его комната. Здесь же — небольшое помещение-столовая, может быть, чуть больше этого, в котором мы с вами разговариваем. Налево — его спальня. Направо — большая комната — зал заседаний для узкого круга, а дальше — большой зал заседаний Совета министров. То есть Сталин как бы всегда находился на рабочем месте.

Помню такой эпизод в 1938 году. Сталин посылал в Белоруссию для ликвидации репрессий молодого партийца Пантелеймона Пономаренко. Задание давал ему так: «Вот стоит телефон, — указывал он на свой аппарат, — у тебя будет такой же, а рядом будут лежать книжечки с номерами аппаратуры ВЧ, внутренней кремлевской связи... На всякий случай можешь запомнить и мой телефон. Если что не так, звони, я всегда на месте».

Вот и выходит, что рабочим днем Сталина был и день, и ночь.

— Любопытно, а где приводил себя в порядок глава страны, скажем, стригся, брился? В особой парикмахерской?

— Не совсем в особой, в Кремле была одна парикмахерская на всех. Мне казалось, что брился он сам, потому что никто, на моей памяти, брить его не приходил. А стригся он, видимо, в той же общей парикмахерской. Она находилась в Кавалерском корпусе. Однажды я, мальчишка, ждал в ней своей очереди подстричься. Приходит Михаил Иванович Калинин, я, конечно же, сразу уступил ему свою очередь. А он в ответ вдруг говорит: «Нет, нельзя... Сейчас твоя очередь, вот и пользуйся ею. Разве есть у нас такие законы, по которым Михаил Иванович Калинин мог бы без очереди в парикмахерской обслуживаться? Нет таких законов. А законы пишу я, и прежде всего я должен их выполнять. А такого закона я никогда не писал и никогда не подпишу его. Так что смело занимай свое место».

— Да, как говорится, «были люди в наше время»...

— Конечно были, вы зря иронизируете. Вспоминаются такие эпизоды, о которых мне подробно рассказывал Иван Александрович Серов, тогдашний министр госбезопасности. Вы наверняка слышали сплетню о том, что Сталин не ездил на фронт, что он всего боялся. Так вот однажды Сталин приказывает: готовьтесь к поездке на Западный фронт! Иван Александрович готовит машины, людей — минимальное количество. Приезжают в штаб Западного фронта. Сталин интересуется, как идет работа, как наша авиация, по ходу хвалит дальнюю авиацию Голованова за то, что она выполняет любые задачи.

Переехали на Калининский фронт. Из штаба он звонит в Москву Маленкову. Маленков спрашивает: «Откуда вы звоните, товарищ Сталин?» Ответ: «Это неважно...» Идет опять глинный разговор, и снова имя Голованова произносится в превосходной степени. Тогда Сталин говорит Маленкову: «Завтра в газетах напечатать приказ о присвоении Голованову звания маршала авиации». Сразу же по телефону вызывают Голованова, Сталин поздравляет командующего с присвоением звания маршала. Тот говорит, что ничего об этом не знает. Сталин парирует: «Газеты надо читать!»

*Второй эпизод: как мы с Василием узнали от Серова о денежной реформе в 1947 году. В присутствии его жены и жены Василия Сталина Кати Тимошенко Иван Александрович вдруг пару раз взглянул на часы и произнес: «Все, ваши денежки плакали... Они больше не действуют». Все замерли. Жена Серова как закричит на мужа: «Ах ты, сволочь, почему мне не сказал?» А он отвечает: «Потому и не сказал, что это дело мне поручили, там наверху знают, что я никому, даже тебе, не расскажу...»*

*Катя же Тимошенко хладнокровно произнесла: «А мне все равно, у нас кроме долгов ничего нет».*

*Новые ассигнации 1947 года развозили на боевых кораблях, и Серов сказал, что любому, кто разгласил бы тайну этой операции, грозил неминуемый расстрел.*

— Как вы, Артем Федорович, стали приемным сыном Сталина? Я слышал, что вы попали в семью вождя потому, что Сталин хотел, чтобы его сын рос вместе с каким-нибудь пацаном, что называется, легче воспитывать.

— *История такая. Мой отец был известным революционером. Со Сталиным они крепко дружили с 1906 года. Оба были делегатами разных еще дореволюционных партийных съездов. Оба побывали в тюрьмах, ссылках. Встретившись в семнадцатом году, уже не расставались до самой смерти отца. А умер отец случайно, в результате автомобильной аварии на 104 километре дороги Москва — Тула. Но, отправляясь как делегат X съезда партии на подавление Кронштадтского мятежа, отец попросил Иосифа Виссарионовича, если что-нибудь с ним случится, присмотреть за моей мамой, которая в то время была беременна мной. А примерно в это же время в семье Сталина рождается сын Василий. Вот и вышло, что с 5 месяцев я фактически жил у Сталиных, в одной комнате с Василием. Потом до 16 лет регулярно у них бывал. И отдыхали на юге мы вместе.*

Свою беседу с А. Сергеевым я начал со странного, вроде бы, вопроса — может ли сам Артем Федорович представиться как приемный сын Сталина. Он ответил, что

нет, он так не представляется. На этот счет юридического документа не существует, но сохранилось постановление Политбюро, вышедшее сразу после смерти Федора Сергеева в августе 1921 года. В нем 18-м пунктом значится: «Об обеспечении семьи товарища Артема». На заседании ЦИК присутствовали Ленин, Зиновьев, Троцкий, Каменев, Дзержинский. Ответственным за выполнение постановления был назначен Сталин, который и впрямь буквально в течение многих лет выполнял решение ЦИКа, став приемным отцом сыну своего друга...

Василий (сын Сталина и Надежды Аллилуевой) и Артем Сергеев какое-то время жили в одной семье. Правда, вскользь Артем Федорович поведал мне, что несколько лет, а именно с 1923 по 1927 годы, сыновья Сталина (родной Василий и приемный Артем) жили и воспитывались в... детском доме на пятьдесят человек, который располагался в прекрасном особняке на Малой Никитской, построенном в начале XX века архитектором Ф. Шехтелем для предпринимателя, банкира и коллекционера Степана Рябушинского. Позже этот дом правительство подарило Максиму Горькому, лишь бы он вернулся с Капри в СССР. Горький вернулся и, прожив несколько лет, по довольно убедительным предположениям, в этом последнем своем пристанище и был умерщвлен.

Соучредителями и содиректорами дома были Надежда Сергеевна Аллилуева и мама Артема Федоровича Елизавета Львовна. Кстати, определение отпрысков в детский дом А. Ф. Сергеев оправдывает вечной занятостью родителей. При этом детей первого человека в стране отправили не в какой-нибудь элитный храм воспитания, рядом с ними жили полсотни беспризорников. «Вот нас обоих в эту самую компанию», — воскликнул Артем Федорович.

\*\*\*

В подаренной мне женой Василия Сталина Капитолиной Васильевой книге «Хроника времен Василия Сталина» есть такие фрагменты воспоминания моего собеседника на тему «Сталин и дети»:

«Когда нам исполнилось по 13 лет, мы с Василием нашли бутылку шампанского. Выпили. Домашние пожаловались Сталину. Он вызвал нас и спросил: "Голова не кружилась? О, значит ваша голова не голова. Еще рано, надо немного подождать". Наверное, если бы он на нас накричал, мол, такие-сякие, не смейте, мы бы на следующий день еще попробовали...».

«Из современной литературы Сталин любил Зощенко. Иногда нам с Василием читал вслух. Однажды смеялся чуть не до слез, а потом сказал: "А здесь товарищ Зощенко вспомнил про ГЕПЕУ и изменил концовку!"»

«За войну Василий Сталин получил четыре ордена — его товарищи, участвовавшие в подобных операциях, награждались щедрее. А орден Красного Знамени ему дали за то, что он разогнал немецкие бомбардировщики, летевшие бомбить наш тыл. Поднялся в небо на незаряженном истребителе наперерез строю... Командующий, с земли наблюдавший эту картину, не зная, что там сын Сталина, велел наградить летчика...»

\*\*\*

— Артем Федорович, судьба тесно соединила вас с сыном Сталина Василием, о котором вы, наверное, знаете все. О Василии Иосифовиче до сих пор гуляет много легенд, это человек и впрямь трагической, во многом неудачной судьбы. Чего стоят, например, его браки, которые, как считают, не принесли ему счастья...

— Последняя жена Василия — известная спортсменка-пловчиха Капитолина Васильева умерла в мае этого года [интервью взято в 2006 году. — Ф. М.] С этой женщиной Василию повезло, порядочная и верная, она была ему настоящей женой. Вот рассказываю вам и прокручиваю свою жизнь, как в киноаппарате. В 1940 году, числа 10 или 12 декабря, точно не помню, звонит мне Василий и говорит: «Приходи ко мне 15-го на смотрины, я женюсь. Посидим, выпьем, как следует. Познакомишься с моей невестой». Говорю Василию, что не могу, потому что 15-го уезжаю



в командировку. Вернулся я в Москву 29 декабря, на какое-то время мы с Василием разминулись, я вернулся в свой полк, Василий — в свой, стоявший в Люберцах, поэтому Капитолину я увидел несколько позже.

— И каково же было ваше впечатление?

— Про Капитолину я вам скажу чуть позже, а вот про первых жен хочу сказать немедленно. Первая жена Василия Галя Бурдонская — простушка, веселенькая, легкая девочка, без всяких претензий. Можно сказать, что она была без изюминки, и Василию с ней было неинтересно.

Потом он встретился и сблизился с Катей Тимошенко, дочерью знаменитого маршала. Эта особа была царственной красоты и вместе с тем холодная, как лед. Я чувствовал, что в их доме неуютно, холодно, неприветливо. Дети неухоженные, полузаброшенные, и Василий забрал их.

А теперь дорасскажу о Капитолине Георгиевне. Это была серьезная, деловая, русская женщина. Спокойная, духовно и физически сильная, она была человеком, знающим цену труду. Недаром Капитолина стала чемпионкой Советского Союза по плаванию, причем на большие дистанции. Отпущенную ей Богом жизнь она прожила в вечной заботе, постоянном труде. Василий-то был очень импульсивным человеком, и жить с ним было нелегко. Каким же терпением и нравственной силой надо было обладать Капитолине, чтобы держать Василия в порядке. Василий чувствовал силу ее влияния и за это бесконечно жену уважал.

— Вы с ней общались в последнее время?

— Общался. К сожалению, она ослепла, дела ее были плохи. Капитолина хорошо относилась к детям Василия, а он — хорошо к ее дочери. Хочу добавить в память и о Василии, и о Капитолине, что она пыталась создать ему теплый, семейный, уютный дом.

— А как вождь относился к женам сына: к первой, второй, третьей?

— Всего не знаю. Но, насколько мне известно, к Капитолине Георгиевне он относился с большим уважением и, хотя видел ее нечасто, понимал, что всего в жизни она достигла своим трудом и упорством.

— Простите, Артем Федорович, разъясните мне, пожалуйста, кое-что... Летом 2002 года я летал в Лондон, чтобы взять интервью у Бориса Березовского. Спросил Бориса Абрамовича о роли случайности в нашей жизни. Его ответ меня поразил. Размышляя на эту тему, он вдруг заявил, что он, Березовский, родственник Сталина! Ошеломленный, я спросил: как это может быть? Он рассказал, что в детстве много времени провел на даче у бабушки в Подрезкове. По соседству жил человек по фамилии Мороз, который одно время был мужем Светланы Аллилуевой, дочери Сталина. Семьи общались, и через много лет внук Светланы и Мороза Илья и дочь Березовского Лиза поженились. Лиза родила сына, который по прямой родословной стал одновременно правнуком Сталина и внуком Березовского. Как вы это прокомментируете?

— *Что тут сказать. На самом деле первым мужем Светланы был Григорий Мороз. Я слышал, что у этого Мороза были весьма неблагозвучные дела: странная демобилизация из армии, непонятный род занятий, богемный образ жизни. Но сын от этого брака Иосиф стал доктором, профессором. Я его знаю как скромного и порядочного человека. Он крупный российский кардиолог, доктор медицинских наук, работает в Медицинской академии имени Сеченова [И. Г. Аллилуев умер в Москве 2 ноября 2008 года. — Ф. М.]. Так что выходит, Березовский вас не обманул, всякое в жизни бывает. Получается, что сын Иосифа Аллилуева был женат на дочери олигарха.*

— Артем Федорович, несерьезный, быть может, вопрос. Вашим ближайшим другом был человек, который любил крепко выпить. Поддавались ли вы влиянию Василия Сталина на этом фронте?

— *Не буду скромничать и юлить. Как человек, прошедший войну, побывавший во всяких передрягах, я, конечно же, при случае, а случаи бывали нередко, пропускал рюмку-другую. Что сказать, нашу жизнь, к сожалению, без этого не представить. Праздники, трагедии, свадьбы, поминки... Как тут не выпить? Конечно, Василий в смысле алкоголя*

давил на всех своих друзей. Он был компанейским, веселым, и отказать ему в компании было трудно. Так что всякое бывало, но при любой возможности я держался, как мог.

— Когда вы последний раз виделись с Василием Сталиным?

— В конце 1953 года. Он уже был арестован и находился в военном госпитале, но пройти к нему еще разрешали. К нему приходили его товарищи, спортсмены, футболисты. Он продолжал жить своей работой, хлопотал о спорте.

А потом Владимирский централ, ссылка. Я же служил не в Москве. Видеться мы уже не могли. Один раз Светлана, его сестра, навещала брата в тюрьме. Катя Тимошенко несколько раз туда тоже приезжала.

О его смерти в 1961 году в Казани я узнал не сразу, уже позже эту страшную новость мне сообщила по телефону моя мама. Все последние годы он жил словно в клетке: восемь лет тюрьмы, потом ссылка, полное одиночество.

О Василии, моем друге и брате, написано много неправды. И сегодня его облик продолжают искажать. Пишут о его хулиганских поступках, о пьянстве... Если что-то и было из-за его импульсивного, порой несдержанного характера, то что тут поделать, он был отпрыском великого, сложного человека, которому далеко не всегда удавалось общаться с сыном, направлять его по правильному пути. Это трудно понять, но образ жизни Василия был таким, что часто в доме было нечего есть. Только несколько дней после полочки: выпивка и закуска, полно друзей, а потом — шаром покати, надо было приходиться со своей буханкой хлеба...

— Вам приходилось много общаться и со Светланой Аллилуевой. Вы, наверное, согласитесь, что у нее тоже трагическая судьба?

— Конечно, гибель матери, отношения с отцом, замужество и другие обстоятельства делают драматическими ее жизнь и судьбу. Об этом можно много говорить, но я хочу отослать вас к последнему письму Василия Сталина Молотову. Написано оно из тюремной камеры. Василий просит Вячеслава Михайловича задать арестованному Бе-

рии несколько вопросов, на которые он непременно должен ответить. Эти вопросы должны касаться судьбы Сталина и всей его семьи, без ответов на них многое останется неясным, непонятным. Василий пишет, что отцу многое было неясно, что, быть может, лучше всех отца знал только Киров, что трагедия семьи начинается с 1930 года. О каких событиях Молотов должен был узнать у Берии, неизвестно, но мне кажется, что многое давно уже кануло в вечность.

Да, сталинская семья, судьбы тех, кто был в родстве со Сталиным, оставили много загадок.

— В том числе и судьба вашего отца, Федора Сергеева, погибшего в самом расцвете сил. Но вот удивительно, его партийное имя — Артем многим и сегодня известно. А ведь после его гибели прошло 85 лет. Почему же он так популярен, как вы считаете?

— Мне приятно отметить, что вы правы: для Донбасса это имя культовое и сегодня. Знаменитый город Артемовск назван в его честь, и никакие попытки переименовать его обратно в Бахму не дали результата. На Дальнем Востоке есть тоже городок Артем. Именем отца названы улицы, монумент Сергееву возвышается даже над Святогорской лаврой. Товарищ Артем был любимым в народе большевиком, которому рабочие безоговорочно верили. Ленин прочил его в председатели Совнаркома.

В целом биография отца насыщена удивительными, прямо-таки фантастическими событиями: тюрьмы, эмиграция во Францию, знакомство с Лениным, жизнь в Австралии...

Будучи студентом МВТУ в Харькове, он знакомится с лидером партии кадетов Милюковым, великим нашим ученым Мечниковым, которые были восхищены взглядами, позицией Сергеева на самые важные проблемы тогдашнего бытия. Мечников прямо ему сказал: «Я живу и работаю в Париже, в институте Пастера, знайте, что двери моего дома всегда открыты для вас».

Неожиданный эпизод произошел исторически недавно, на XXIII съезде КПСС. На трибуне выступал Генеральный

секретарь австралийской компартии, который заявил, что марксизм в Австралию привез русский, и у вас его звали Артем, а у нас Биг Том.

Отец был очень образованным человеком, знал несколько языков. Его смерть для матери стала непоправимым ударом, ей было только 25 лет, но замуж она больше не выходила.

— Я читал, что ваш отец знал чуть ли не всю партийно-культурно-военную элиту послеоктябрьской России. Его все уважали, с его мнением считались.

— Отец был секретарем Московского комитета партии и, конечно же, общался с сотнями людей. Он хорошо знал Василия Ивановича Чапаева, Котовского. Кстати, Котовский пришел к отцу с жалобой: «Почему "они" меня ненавидят и называют "бандитом?"» «Они» — это Михаил Тухачевский, Владимир Антонов-Овсеенко и Юрий Коцюбинский.

Общался с отцом и певец Вертинский. Но тут разговор особый. Вертинский, как я понял, чуть повзрослев, был не совсем тем, которого мы знаем. У него было два лица, одно для того, с кем он говорил, а другое — для всех остальных. Так считал сам отец. Эстет Вертинский интересовался... рабочим движением, полицейским сыском... Расспрашивал отца о том, о сем: где он бывал, с кем общался, проникался партийными делами...

Отец оставил о Вертинском интересные воспоминания. Но куда они запропастились, неизвестно. В доме было столько переворотов, катавасий, что не дай Бог. Записки же написаны рукой отца. Одна такая: «Артист Вертинский не нашего толка, но наш. Кормить». Эту записку я подарил жене Александра Николаевича. Отец говорил матери, что Вертинский только снаружи аристократ, а внутри он наш — демократ.

Сохранилась и вторая записка: «Артист Вертинский. Руководитель рабочей самодеятельности. Голоден и бос». Каменеву, председателю Моссовета (указан телефон), Реввоенсовету (указан телефон) были даны указания помочь артисту.

Сталин также был высокого мнения о Вертинском. Я сам слышал у Сталина дома разговоры об артисте. Нам всем: Василию, Светлане, он, конечно, нравился. Это было еще задолго до войны. Когда все слушали пластинки Лещенко, ходили на его концерты. А Сталин сказал, что такие, как Лещенко, есть, то есть их немало, но Вертинский один. Когда Сталину говорили, что он поет для буржуев, и это, дескать, нам не нужно, Сталин парировал, что кроме пролетариев и буржуазии есть и другие слои, другие слушатели, ценители искусства.

— А Троцкого помните?

— Конечно. Точно помню, мне было шесть лет, когда обратил на него внимание. И сразу же отрицательное впечатление — всегда злой, глаза пронзающие, холодные. Первое впечатление от встречи с ним — что это недобрый человек. Моя мать работала одно время директором туберкулезного санатория в Нальчике. Когда Троцкого и его последышей выметали, они приехали туда отдыхать. Целым эшелонам приехали, на автомобилях. Каждый день на охоту ездили. Люди говорили: «Троцкисты понаехали, пусть едут дальше...»

Отец и Троцкий были врагами. Окружение отца всегда остерегалось, чтобы они не погрались при встрече, потому что отец владел приемами борьбы, и он бы этого Иудушку уложил. Ведь отец выступал даже в японском цирке. Друзья его вспоминали, что он никогда просто так не махал руками, но делал точный удар, тычок в соответствующее место и разил противника. Так вот все вокруг и боялись, что товарищ Артем уложит Троцкого насмерть.

— Берия остался в памяти?

— Еще бы! Впечатление темное. Когда в дом к Сталину приходил большевик Лакоба, в доме становилось теплее и светлее. Когда же приходил Берия, он давил собой.

Но Берия — это колоссальная фигура, ничего не скажешь. Вся атомная энергия была на нем. Не зря Курчатов советовал, даже настаивал, чтобы вместо Молотова во главе атомного проекта поставили Берия. Кстати, вы,